

Василий АКСЕНОВ

Старые песни о глупом

(Окончание. Начало на стр. 1)

Другой рафинированный интеллект, основатель первой российской масонской ложи и зачинатель нашей литературы Михаил Матвеевич Херасков в своем большом романе «Кадм и Гармония» описывает долгое путешествие Кадма в поисках его сестры Европы. В ходе этого путешествия тот достигает «земли обетованной», населенной счастливым племенем «славов». Правит этим приятным и совершенным обществом, разумеется, мудрая и благородная женщина. Поиски закончены, сестра не найдена. Подразумевается: да и не нужна.

Действие нескольких русских утопических романов протекает почему-то на Луне, среди них мы находим «Новейшее путешествие» Левшина и «Сон Кидалов» Чулкова. Оба романа высмеивают интерес русских к западной науке (то есть то самое советское «низкопоклонство перед Западом»), которая объявляется антитезой русской веры.

Эту же систему, «царство процветания», читатель находит на отдаленном острове, куда попадают моряки после кораблекрушения в романе князя Львова «Российская Памела».

Сильнейшая антизападная сатира была выражена в романе другого князя, Щербакова, — «Путешествие в землю Офирскую». Здесь в аллегорической форме бросается обвинение главному «западнику» России Петру Первому, который выступил против «природы вещей» и разрушил «древнюю добродетель, созданную величайшими людьми истории».

С тех пор так и пошло в российской утопическо-сатирической литературе, то есть в сфере дворянских фантазмов. Если уж изображались западные страны, то назывались «Игнорандией» или «Скотинией», если же речь шла о славянской земле, то именовалась «Светонией». Антизападничество входило в контекст актуальной идеологии определенной и очень влиятельной аристократической среды. Были, разумеется, и другие веяния, достигали и российских берегов робкие струйки Гольфстрима, но во всяком случае прозаических утопических романов в те времена не создавалось.

Что же побуждало этих богачей писать такие описи и направлять их непосредственно пред светлы очи Государыни, ибо именно она была главным читателем Империи? Похоже на то, что авторы старались оказать влияние именно на этого читателя, укрепить ее в патристическом, отвести от чуждого. Общеизвестно, что Екатерина находилась в постоянной переписке с Вольтером, а при дворе в Петербурге длительное время находился другой французский просветитель Денис Дидро. Императрице как просвещенной особе своего времени весьма импонировал обмен мнениями с признанными в Европе писателями и философами.

Вот тут-то, мне кажется, и кроется загадка российских антизападных утопий. Олигархи тех времен, колоссальные латифундисты, владельцы тысяч и тысяч «душ», просто-напросто боялись, что императрица под влиянием злокозненных западных либералов вдруг возьмет да и отменит крепостное право; прощай тогда безграничные и как бы узаконенные всем историческим и духовным укладом привилегии, власть, богатство.

Известно, что Екатерина в начале своего правления пыталась провести серию далеко идущих политических и социальных реформ, однако дальнейшее развитие событий заставило ее отступить от этих намерений. Трудно сказать, что больше подействовало на нее, — антизападные утопии российских вельмож или кровавый

бунт лже-Петра Пугачева, однако могущественная антизападная идеология была создана.

Нет нужды объяснять антизападничество большевистской тирании: для нее это был естественный метаболизм с естественным отходом газов. Чем же, однако, вызван постоянный и нарастающий рост антизападничества в новой демократической и, казалось бы, естественно прозападной России? Ведь не деятельностью же жалких баркашовских, лимоновских и анпиловских групп, не прохановской же газетой, не закостеневшей же в своей неизменности КПРФ. Нет, эта вновь возникающая идеология поднимается из гораздо более серьезных, хоть и не таких явных, истоков. Осмелимся предположить, что феномен возникает в самой сердцевине замыслато переплетенной правительственно-политической, финансово-экономической, буржуазно-бюрократической, правоохранительно-правонарушительной, а также культурно-артистической и даже сексуально-богемной компрадорской элиты.

После августа 91-го, ничего еще не понимая, ни в чем не разобравшись, в эйфории ожидаемых благ ринулись на Запад, однако по мере углубления знакомства все чаще стали спотыкаться, тормозить, недоуменно переглядываться, пока не сформулировалась окончательно коренная отечественная альтернатива: «А пошли бы они на три буквы!»

Почему, несмотря на все постсоветские изменения, сразу по прилете в Шереметьево возникает ощущение отдаленного и обособленного мира? Почему в Россию так медленно проникают международные финансы и многонациональные промышленные и торговые корпорации? Может быть, потому, что наша «элита» не хочет ни с кем делиться прибылями? Однако ведь не такие уж они все-таки невежды, чтобы не понимать, что прибыли увеличиваются при более быстром развитии. Дело, мне кажется, в том, что с приходом западного большого бизнеса разрушится основа основ нынешнего, вполне уже устоявшегося российско-«капитализма», а именно все та же, существовавшая еще и при самом свирепом социализме круговая порука.

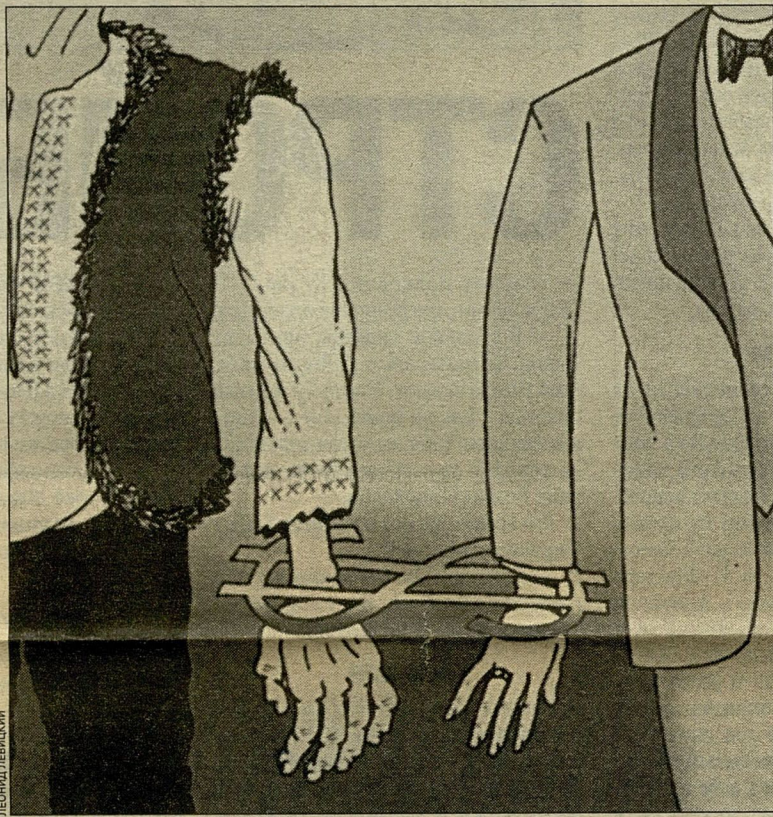
Взять хотя бы феномен так называемой прозрачности, без которой вроде бы немислима финансовая деятельность на Западе. Как мы можем допустить подобное в нашей теневой уютной обстановке? Ведь все уже вроде бы договорились, что некоторые аспекты не просвечиваются, что в некоторых сферах требование «прозрачности» звучит бестактно, даже нагло.

Как-то раз в Москве мне рассказали любопытную историю. Некая грандиозная российская корпорация подала в один из крупнейших западных банков заявку на очень большой кредит, ну, скажем, на три миллиарда долларов. Банк благосклонно отнесся к этой идее, однако попросил составить «пропозал», в котором было бы подробно указано, в какие сферы будут направлены фонды. В предложенный срок «пропозал» был представлен. Все в нем вроде было нормально, за исключени-

ем одной детали: не сходил баланс. Предполагаемые расходы не покрывали всей суммы кредита, где-то зависло небольшое по сравнению с основной денежной массой число долларов, ну, скажем, сто — двести миллионов.

Западные финансисты проявили тут себя не по-товарищески, уперлись рогом, крохоборы, стали требовать объяснения и на этот пустяк, как будто не понимали, что вот тут они и столкнулись с тем, что «аршином общим не измеришь».

Десять лет у нас уже существуют частные и корпоративные банки, множество банков, а деньги по-прежнему переносят в чемоданах; уютный, родной, криминальный «нал», ну как без него проживешь, а ведь если войдет к нам бездушный Уолл-

стрит, придется от такого удобства отказываться.

Не только от «нала» придется отказываться. С приходом большого бизнеса произойдет и реальное вхождение России в ежедневную жизнь большого мира, а это приведет к переоценке ценностей во всех сферах. Зашатаются авторитеты круговой поруки, придется, быть может, отказываться от привилегий этого нового своеобразного крепостного права.

Наши вельможи не пишут антизападных утопических романов, однако они, сознательно или подсознательно, создают общественный климат. Вновь активизируются комплексы превосходства и неполноценности, нарастает какая-то неясная, но очень сильная обида, возрождается ностальгия по тем временам, когда мы были гордыми и неприступными, звучат старые песни о главном — «всех лучше советские скрипки на конкурсах мира звучат», — распространяется идея о несовместимости торгашеского Запада и высокодуховной России. Нередко доходит и до полного абсурда.

Прошлым летом на Московском телевидении я видел программу, которая повергла меня в уныние. Речь шла о космических исследованиях и, в частности, о лунных экспедициях. Оказывается, американцы никогда не были на Луне. Все эти кадры Армстронга и Олдрина, подпрыгивающих в своих скафандрах по лунной поверхности, не что иное, как голливудская мистификация, направленная на то, чтобы унизить Россию. Совсем дело плохо, подумал я, если уж в ход идут даже забракованные «дезухи» из пятого управления брежневского КГБ. Неужели снова, уже из ржавого, начинается ремонт «железного занавеса»?

Картина этого ремонта будет, конечно, неполной, если мы не заговорим и о тех усилиях, что предпринимаются в этом направлении с другой стороны. Запад отвечает на это новое российское антизападничество в совершенно неожиданной для меня мелко-травчатой, если не постыдной, манере. Особенно отчетливо это проявляется в нынешнем настроении средств массовой информации. Россия представляется страной злобных болванов, исконным врагом цивилизации и демократии. Никому почему-то в голову не приходит, что Россия сама избавилась от своего тоталитаризма, в отличие от некоторых других стран, которые пришлось разбомбить дотла, прежде чем сделать из них почтенных членов свободного общества.

Многие русские, оказавшиеся в силу превратностей судьбы жителями Запада, испытывают сейчас замешательство и разочарование. Недавно одна интеллигентная петербуржанка, живущая по соседству с нами в Вирджинии, с горечью сказала: «Вы знаете, мне иногда кажется, что американцы просто не в силах провести грань между тоталитарным Советским Союзом и новой Россией. Я всегда считала себя «западницей», но сейчас, когда читаю газеты, смотрю сводки новостей или слушаю ораторов на разных конференциях по текущей политике, я просто теряюсь от того, что кажется мне каким-то предумышленным непониманием».

Это совпадает и с моими ощущениями. Больше того, иногда мне кажется, что многие здесь не могут или не хотят провести грань даже между Александром Вторым и Владимиром Лениным, Иваном Грозным и Борисом Ельциным. Лучшим примером такой нехорошей бессмысленности оказалась недавно нашедшаяся статья канадского журналиста в ведущей оттавской газете, который всю Россию хохом назвал «куском говна, завернутым в капусту». Трудно удержаться от того, чтобы не ответить этому человеку в манере «сам дурак»: «А вы, месье, даже ни во что не завернуты!»

Я знал здесь многих умных и сильных людей, которые сделали главным содержанием своей жизни борьбу с агрессивным тоталитаризмом. Они всегда подчеркивали, что считают себя не врагами, а друзьями русского народа, главной жертвы коммунистической тирании. Увы, сейчас многие из них звучат как настоящие русофобы. Что же случилось? Не разочарование ли тому виной, не утрата ли иллюзий?

Главным камнем преткновения, разумеется, стала «вторая чеченская война». Поражаешься, с какой однозначностью и однолинейностью освещают эту драму СМИ Запада. Поневоле появляется, особенно у людей, знавших прошлые советские времена, ощущение, что за этой кампанией стоит какой-то центр незримого агитпропа, направляющий директивы в независимые органы печати. Согласно этим «директивам», нельзя верить никаким сообщениям, исходящим из российской армии, и наоборот, нужно верить всему, что исходит из «официальных

чеченских источников». Принимается на веру любая, самая дешевая ложь, самое дурацкое бахвальство и самая грязная «дезуха» удуговцев. Все это так или иначе оседает в умах. Недавно в одном обществе я обратил внимание, что разговоры о том, будто взрывы в Москве и других городах были устроены не басаевцами, а путинцами, воспринимаются как само собой разумеющееся. Позвольте, друзья, заметил я, но в таком случае с тем же успехом вы можете предположить, что посольства в Кении и Танзании взорвали сами американцы, а не Усама бен Ладен. Публика переглянулась, кто-то пожал плечами. Моя реплика была воспринята просто как экстравагантность. Правда, когда расходились, хозяйка дома сказала мне, чуть понизив голос: «Я с вами абсолютно согласна».

Очень много грязи, коварства и лжи осталось за плечами советской России, однако на Западе всегда находились голоса, оправдывавшие «родину социализма». Почему же именно эта, по сути дела первая справедливая война России, случившаяся на исходе XX века, вызвала такое единодушное осуждение? Не потому ли, что Россия осудила косовскую акцию НАТО? Не потому ли, что она не оправдала ожиданий, не проиграла?

В Америке многие говорят, что военный успех в Чечне в конечном счете приведет к военной диктатуре, а это само собой вызовет новую угрозу Западу. Почему никто не задумывается, какое сонмище угроз вызовет развал России? Почему дотошные ранее западные журналисты даже не пытаются поднять тему основного стимула безумной рабовладельческой Ичкерии, тему наркотиков? И наконец, почему, бесконечно употребляя слово «геноцид», они никогда не говорят о проводившемся кликой Дудаева и Яндарбиева геноциде русского народа?

Прошлым летом я путешествовал по Северному Кавказу и слышал там немало ошеломляющих рассказов русских беженцев из Грозного. На Кавказе живет несколько миллионов казаков и других славян. Что же им всем, погибать? Скажут, это возмездие за изгнание чеченского народа. Сколько подобных возмездий в таком случае должно быть оправдано, в том числе и в цивилизованных странах? Кому следует предъявлять счет за жестокости Сталина, русскому народу или коммунистической партии? Что касается русских, то они еще при жизни тирана заплатили по этим счетам дорожно, чем кто-либо другой.

Вот так это все и идет, и мы перестали понимать друг друга. Мне кажется, что в западных интеллектуальных кругах, к которым я и сам отношусь в силу хотя бы своего участия в американском университетском образовании, возникло сейчас серьезное предубеждение в отношении славянской цивилизации. Слишком серьезно воспринимается постулат так называемой линии Хантингтона, согласно которому существует непреодолимый раскол между западным и восточным христианством. Линия раскола не так однолинейна. Она проходит по другим измерениям. Будущее — увы, совсем недалекое — выявит это заблуждение, и тут может оказаться, что мы все опоздали.

Так или иначе, приходится сейчас сказать, что мечта 1991 года не осуществилась. Россия не стала и не собирается стать неотъемлемой частью западной цивилизации. Запад не собирается принимать Россию в свой клуб. Возникает самая главная угроза — порочный круг стереотипов и предубеждений. Честный диалог становится невозможным. Мы уже не можем понять, кто первым завел старую, глупую и удручающую песню об «особом пути», о «несовместимости» и пр.